

Вежливый, тихий. Таким он запомнился с той единственной нашей встречи осенью 2019-го в Иркутске на Днях русской духовности и культуры, затеянных ещё Валентином Распутиным. После вечера в местном Доме литераторов он подошёл ко мне, назвал по имени-отчеству, стеснительно попросил адрес электронной почты. И вскоре написал, прислал свои стихи, потом – рассказ. Ни то, ни другое, честно говоря, не произвело никакого впечатления. Но юноша был добрым, ясным, без обид принял пожелания – видит Бог, весьма бережные, щадящие, на самом деле не отвечающие моменту.

Он, вполне вероятно, понимал это, но в себя не уходил, не отчаивался, зла, надеюсь, на меня не затаивал. И спустя время снова оказывался на связи, что-то отправлял и так же внимательно, чутко вслушивался в каждое ответное слово. И я тоже запросто стал слать ему весточки, делился какими-то ссылками, интересными публикациями, понравившимися стихами. Он радостно откликался, благодарил. Однако ничего нового уже не предлагал, а в последнем письме посетовал на свою нескромность и вскользь упрекнул в том, что сам-то я свои сочинения с ним не обсуждаю. А потом и вовсе замолчал и года три, наверное, не подавал знаков, так что я уже почти забыл о нём. И каково – как говорится в таких случаях – было моё удивление, когда в мае 2023-го я неожиданно встретил имя Садига Мамедова на страницах иркутской «Сибири»...

Это уже был поэт, которому, пожалуй, не нужны мои советы. Который не пришлёт новых стихов в надежде услышать что-нибудь стоящее. Он уже состоялся без моего участия, ибо и без меня, без моей критики прошёл огненные тигли,

из которых вышло не одно поколение российских рифмоворцов-воинов от Дениса Давыдова и Михаила Лермонтова до Николая Гумилёва и Бориса Слуцкого. Нет, он не вырос – вымахал за эти годы отсутствия и в смысле жизненного опыта стал, может быть, даже не вровень мне, а выше. Потому что в его судьбе уже было то, что стирает границы возраста и возводит к таким пределам осмысления действительности, которых не всякому достичь:

*Знаешь, война – совершенно не весело.
Был ты, к примеру, здоровый пацан.
Вдруг вместо глаза – кровавое месиво:
Нету теперь половины лица.*

...Современным писателям, даже одарённым, не хватает одного – события. А без настоящего события нет подлинного чувства, нет сердечного участия и необходимой нежности и любви к тому, о чём или о ком пишешь. Да – нежности и любви. Или, как в этих стихах, – боли и горечи. Боли – потому что действительно больно. Горечи – потому что не от поэтических стрел, но от пуль и снарядов гибнут товарищи. И ещё тут ранняя усталость. Она не от творческих семинаров и книжек – оттого, что хочется просто жить, посещая, кстати, эти самые семинары и читая эти самые книжки. А вместо этого нужно каждый день стрелять и окапываться, чтобы самому не схлопотать ответку.

У Садига это событие есть. И есть всё остальное. И он – талантлив, поэзия его по-мужски скупа на слова и не расточительна в чувствах. Он не учился в литературных институтах. Многие строчки его стихов оставляют ощущение природной нестёсанности, сколь грубой, столь и естественной. Но ему приглаженности, глянца этого сияющего и не нужно. Должность сурового наставника и единственно справедливого судии в случае с Садигом Мамедовым взяла на себя война. А у неё своя мера ценностей, свой аршин. И уж в этом начинающему поэту точно свезло. Иначе велика была бы вероятность так и остаться производителем мёртвых бескровных стишков и всю жизнь ошиваться в каком-нибудь Совете вечно молодых литераторов СП России, бесконечно колесить с одного писательского хурала на другой да читать со смартфона свои жалкие опусы...

Мы списались с ним, когда он после ранения оказался на лечении в посёлке Ивановке Херсонской области и наконец-то появился в ватсапе. В душу ему я старался не лезть, лишних вопросов не задавал, да и сам он поначалу не касался главной темы, как будто ничего такого в его жизни не было. Говорили исключительно о литературе. К тому времени я посетил личную страничку Садига в интернете, прочёл стихи, написанные и выложенные им с того момента, как прервалось наше общение. Назрели кое-какие мысли, замечания. Что-то требовало пояснений, а значит, рождало чувство досады, ибо ни в какой сопроводилровке поэтический текст не должен нуждаться, от этого он только теряет. Так, очень правдивое и эмоционально сильное стихотворение Садига, этакий натужно-страстный монолог человека на войне, ломала – всё равно что о колена – предпоследняя строфа. В ней неожиданно возникал совершенно неуместный, с моей точки зрения, образ известного мультипликационного героя, которого я никак не мог соотнести с теми мрачными реалиями, что живописал автор:

*Вовсе не праздничный брызгал салют
«Фосфорный дождь!» – доносилось из ракет.
Выл истерически дрон-камикадзе.
Сунешься, спрячешься – всяко убьют.*

*Были, кто мне бы сгодились в отцы,
Были и юные, нежные лица.
В госпиталь кто-то отправлен лечиться,
Кто-то – в Россию, положенный в цинк.*

И далее:

*Мой обожаемый фрукт – апельсин.
Я – апельсин, только сморщенный, выжатый.
Долг перед Родиной выплачен! Где же ты,
Мой Чебурашка? Приди и спаси...*

Зачем, для каких таких целей понадобился тут этот Чебурашка? Как он затесался в стихотворение о войне? Почему именно к нему, словно к высшей воле, обращён голос поэта?..

Эти и другие вопросы я задал Садигу, попеняв ему за техническую небрежность отдельных стихотворений и предложив замену. И первое, что выделило его, теперешнего, –

решительная твёрдость позиций, которые он не собирался сдавать. Он уже не смотрел, открыв рот. Наоборот. Получив стихи с моими пометками, править что-либо на чужой лад запретил, все мои резоны отмёл. Иные стихи, отобранные мною для печати, снисходительно осмеял, а вместе с ними осмеял мой выбор. От публикации в том виде, на каком настаивал я, отказался, помянув слова погибшего друга: «Какого вам армия выдала, таким и пользуйтесь!» И как-то очень уместно и просто предложил перейти на «ты».

Стихи я оставил в авторской редакции. Нашу небольшую беседу, предваряющую сегодняшнюю публикацию, записал. Предлагаю её читателям.

– В журнальной справке о тебе говорится, что ты – магистр кафедры политологии, истории и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета по профилю «Административное управление». Поэты, конечно, всякие бывают, но чтобы магистры кафедры политологии...

– Я был вне доступа, когда готовился материал, впоследствии сам удивился, прочитав это о себе. Я вообще-то не оканчивал магистратуру. Поступил в неё, да. А потом решил: только и делаю, что учусь. Пора применять знания на практике. Но перед этим нужно отдать долг Родине. Магистратуру бросил и в армию ушёл.

– Ты ведь не срочником пошёл, а по контракту. То есть не по призыву, а, так сказать, по зову сердца.

– Отец с детства готовил меня к тому, что настанет момент, когда нужно будет отдать долг Родине. После учёбы в ИГУ у меня появилась возможность заменить один год срочной службы двумя годами службы по контракту. Я ею воспользовался, чтобы закалить волю и добавить решительности в свой характер. Лучшим местом для этого я счёл элитные подразделения российских вооружённых сил – ВДВ. Так я оказался в 31-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригаде (ныне – 328 полк 104 дивизии ВДВ), базирующейся в Ульяновске.

– Там тебя встретила новость о начале СВО?

– Не совсем. 11-го января 2022 года я начал службу в этой воинской части, попав в огневой взвод миномётной батареи второго десантно-штурмового батальона. Уже через месяц, 14-го февраля, моё подразделение оказалось на белорусско-

украинской границе. Командование готовило «Гостомельскую операцию», и 24-го февраля мы приступили к её выполнению.

– Расскажи об этом.

– В составе двухсот бойцов в транспортных вертолётах Ми-8 при поддержке боевых разведывательно-ударных вертолётов Ми-24 и Ка-52 десантировались на аэродром Антонов, расположенный возле Гостомеля. Планировалось, что через несколько часов после закрепления на объекте подъедет колонна военной техники с основными десантными силами. Но мосты на подъезде к аэродрому были подорваны противником, поэтому колонна приехала лишь на пятые сутки. Всё это время сообщение с тылом было только с помощью вертолётов: боеприпасы, вода и сухпайки «прилетали», раненые и тела погибших «улетали». Тем не менее, аэродром был успешно удержан, а после прибытия основных сил начался штурм Гостомеля. В эти дни мы оказались ближе всего к сердцу врага – в восьми километрах от Киева. Вывод нашего подразделения с киевского направления был совершён 31-го марта. Так закончилась моя первая боевая задача...

– ...за которую ты был награждён медалью Жукова и получил звание ефрейтора.

– Всё верно.

– Ты в своё время занял третье место в областном конкурсе поэтов...

– Да там ерундовый был конкурс, от областного – только название. Мне дали утешительный приз, чтобы подбодрить. Это было в 2019-м. Я только писать начал. Влюбился и хотел таким образом добиться внимания девушки.

– Добился?

– Нет. Зато появилось новое окружение – сначала собрания в юношеской библиотеке имени Иосифа Уткина, потом знакомство с Максимом Живетьевым и Юрием Харлашкиным из литературного объединения «Азь-Арт». Макс и Юра очень помогли, были моими наставниками. Мы и сейчас обсуждаем свои новые произведения.

– А как ты пишешь в условиях боевых действий? У меня (наверное, как у многих, кто ещё со школы полюбил великого Твардовского и вообще военную поэзию) сразу всплывает образ: землянка в три наката, сосна сгоревшая над ней, а рядом, где-нибудь в сторонке, под звуки разрывающихся снарядов сгорбленный солдатик что-то торопливо скребёт

на листочке замасленной бумаги изгрызенным карандашом... Я намеренно поэтизирую, конечно. Но это ведь всё равно не про тебя?

– Это точно не про меня. А как удаётся писать... По-разному. Например, самое крайнее стихотворение начало складываться ещё в мае прошлого года. Мы как раз переезжали со своего местоположения под городом Рубежное. Всё собрали, закинули в «УРАЛ» и поехали. Я ехал в кузове. И вот смотрю наружу сквозь порванный тент. А там сосны – высохшие, жёлтые. И я понимаю, что в голову приходят строчки. А я к этому не готов, потому что совершенно не до того. Усталость такая, не столько физическая, сколько моральная... Она не даёт сосредоточиться, подумать о чём-то другом. А мне надо, чтобы была полная тишина, чтобы никто не мешал, чтобы можно было потратить на стихотворение день, а то и два. Но в условиях войны так не получится. И вот я сочинил тогда лишь первое четверостишие:

*Кузов «УРАЛа» – набитый трамвай.
Путь – отбивающий почки, несносный.
В прорезях тента – сгоревшие сосны
Жёлтыми иглами машут: «Бывай».*

И всё, и застопорилось на три месяца. Потому что в мае как раз началось контрнаступление украинцев, нас бросили на его отражение. Это север Бахмута – первая задача. А ещё Клевцовка, Андреевка. То есть совсем не до стихов было. А стихотворение назрело. Оно почти готовое, оно ждёт, когда я к нему вернусь. Получилось это только в сентябре, меня тогда по болезни направили в луганский госпиталь. И вот там, в нормальной обстановке, когда немного разгрузился эмоционально и пришёл в себя, в беседке во дворе госпиталя написал всё стихотворение целиком.

– Стихотворение «Воздух» очень реалистичное, сюжетное. Похоже на кадры не кинохроники, но любительской видеосъёмки... С ним какая история связана?

– Да примерно такая же. Началась Гостомельская операция, мы залетели на аэродром, удерживали его пять дней. На шестой заехали в посёлок городского типа Гостомель. И всё это время элементарно сесть, осмыслить, что с тобой происходит, не было никакой возможности. Ты постоянно в работе, в движении, либо стреляешь, либо готовишь боеприпасы. Либо роешь

землю. А если и выдалась передышка – надо срочно поесть и приготовить более-менее сухое место, чтобы потом лечь спать. Всё. И на следующий день то же самое. А ведь на твоих глазах ранят товарищей, есть погибшие... Я себе сначала дал установку: не отдаваться эмоциям, ничего не анализировать, чтоб не раскиснуть. Для меня всё это было тяжело, потому что я в принципе только-только попал в армию, а уже через месяц-полтора очутился в зоне боевых действий. А кругом все злые, все на нервах, всем страшно. Очень страшно. Бывало, в отдельных батальонах люди «пятисотились», то есть намеренно причиняли себе увечье, притворялись покалеченными. У нас тоже был такой человек. Подвернул ногу, доковылял до вертолётной площадки, с которой увозили раненых и «двухсотых». А там не до того было, чтобы разбираться, насколько на самом деле опасное повреждение. И так он улетел...

– Ты хотел рассказать, как написал первое, если я правильно понял, военное стихотворение.

– Да. И вот мы вошли в Гостомель, там в одном домике довелось перекантоваться. Я наконец-то остался один в комнате. Помню, сел, впервые подумал о том, что случилось за эти дни. Представил, что испытывает теперь моя мать, как она по ночам встаёт и делает намаз, чтобы отомолить меня, мою жизнь... И вот тогда нахлынуло, реально слёзы брызнули из глаз. И сами собой сложились заключительные строчки стихотворения, которое я написал с начала лишь впоследствии:

К бою расчёт подрывается резко.

К бою! Наводчик наводит прицел...

Только б одну написать смску:

«Мама, я жив.

Я всё ещё цел».

– Теперь, после твоего рассказа, я понимаю, почему ты стоишь насмерть за каждое слово... И всё же я бы убрал Чебурашку из твоего в общем-то состоявшегося стихотворения, которое ты называешь крайним. Откуда вдруг эта мультяшность сознания? Этот Чебурашка, на мой взгляд, рассыпает всё стихотворение, то есть, выражаясь языком военного времени, ведёт скрытую подрывную деятельность. Потому что не знаешь, что с ним делать, как его истолковывать... Может, заменить чем-то более серьёзным, веским?

– Ты что! Это центральная фигура в стихотворении. Без неё можно всё стихотворение перечеркнуть и выбросить в урну. И она несколько не мультяшная. У нас, во-первых, много кто на фронте носит с собой эту игрушку. Носят футболки с таким рисунком, я даже брелок на сумку цеплял в виде Чебурашки. Как-то незаметно персонаж любимого советского мультика стал одним из символов СВО. Потом, мой Чебурашка на своём месте. Очень часто на передовой сидишь в окопе и одна мысль в голове: «Когда всё это закончится?» Реально хочется, чтобы случилось чудо, сверхъестественная сила взяла и переместила бы тебя куда подальше. Для меня такая сверхъестественная сила – Господь. Но в стихотворении я посчитал допустимым обратиться к Чебурашке. К Богу я обращаюсь в молитвах.

...После Гостомельской операции Садиг Мамедов принимал участие ещё в шести боевых задачах: удержание города Попасной (ЛНР), взятие стратегически важного района под названием «Сапог» на участке Кременная Краснолиманского направления (ЛНР), удержание северной части города Артёмовска (ДНР), штурм Клещеевки (ДНР), штурм Андреевки (ДНР) и штурм Крынок (Херсонская область). В Крынках получил осколочное ранение в ногу, от него-то сейчас и восстанавливается в госпитале. Потом очередной – долгожданный – отпуск в четырнадцать дней, зимний – или уже весенний, ранний – Иркутск, дом родителей в посёлке Горном, встречи с друзьями. Потом...

А потом, вполне вероятно, может случиться так, что его телефон снова долго будет вне сети. Мы живём, радуемся, списываемся с кем хотим и когда хотим. А в это время не так чтобы далеко от нас связь с внешним миром осуществляется только по радиостанциям. Телефонами пользуются в тылу, а когда выезжают на передовую («на передок», как говорит Садиг), в обязательном порядке вынимают сим-карту, сам телефон переводят в авиарежим, отключают вай-фай и геолокацию. Тяжёлый украинский дрон – или, по-тамошнему, «баба Яга» – летит низко и, если уловит сигнал, подключается, сбрасывает «стодвадцатую» осколочно-фугасную мину.

В свои двадцать шесть Садиг многое повидал, ещё больше – пережил. А вот стихов написал самую малость. Произведений, достойных внимания, меньше, чем патронов в магазине

АК. Можно сказать, свою обойму он заправил едва ли наполовину. Впрочем, сравнение не совсем удачное: из автоматов они, миномётчики, практически не стреляют. «И слава Богу!» – добавляет Садиг. – Если артиллерист взялся за личное оружие, считай, война проиграна...»

Бесспорно, хороши у него, по моему мнению, три-четыре стихотворения. И это великое, бесценное множество, учитывая условия, в каких они родились.

Корявость, грамматическая неточность – словом, всё то, с чем я из лучших побуждений стал бороться, пытаюсь повлиять на человека, который диалектику познал вот уж действительно «не по Гегелю», – пожалуй, всецело окупается более ценным признаком истинной поэзии. Я говорю о вещественной содержательности стихов, которым безоговорочно веришь. И уж тут не до жиру, не до орфоэпических норм, будь они неладны. Потому что есть литература, вообще беллетристика, и беллетристика блистательная, тонкая, умная, восхищающая. А есть ещё то, что берёт за душу не этим. Не словами, не изящным поставом их...

P.S.

Шамиль, друг Садига, написал на его странице: «Слушай, Садиг. Я понял, почему ты подтягиваешься постоянно. Есть выражение: хочешь что-то изменить – начни с себя. Сейчас ты поднимаешь себя, чтобы потом поднять Россию».

Садиг, у тебя хороший друг. Он всё правильно понял.

пос. Казарки, Иркутская обл.